

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф.Шиловского

город Санкт-Петербург

26 октября 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

с участием заявителя – гражданина С.Ф.Шиловского и его представителя – адвоката О.В.Гарькуши, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук И.В.Рукавишниковой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В.Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 151 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Ф.Шиловского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П.Маврина, объяснения представителей сторон, выступления полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Д.С.Короткова, от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В.Росинского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 151 ГК Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (часть первая); при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства; суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (часть вторая).

1.1. Конституционность данной статьи оспаривает гражданин С.Ф.Шиловский, признанный потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина И. по признакам преступления,

предусмотренного частью второй статьи 159 УК Российской Федерации (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину).

В марте 2017 года И., работавший в должности санитара районного отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Краснодарского края, из корыстных побуждений, имея преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих С.Ф.Шиловскому, путем обмана получил от него 6 000 рублей под предлогом оплаты услуги, связанной с подготовкой тела к погребению, оказываемой моргом якобы в обязательном порядке за наличные денежные средства. До момента передачи ему денег И. отказывался выдать С.Ф.Шиловскому тело его покойной матери в день похорон. Своими противоправными действиями И. причинил заявителю значительный материальный ущерб.

Постановлением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 16 мая 2019 года предъявленный к И. в рамках уголовного дела гражданский иск С.Ф.Шиловского о взыскании компенсации морального вреда, причиненного преступлением, оставлен без рассмотрения с разъяснением заявителю права на обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства. Одновременно этим постановлением уголовное дело в отношении И. прекращено в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 31 июля 2019 года названное постановление изменено: из его резолютивной части исключено указание на оставление без рассмотрения гражданского иска С.Ф.Шиловского к И. о взыскании компенсации морального вреда с разъяснением заявителю его права на обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства.

Решением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 25 сентября 2019 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского

краевого суда от 17 декабря 2019 года, С.Ф.Шиловскому отказано в удовлетворении предъявленного к И. требования о взыскании компенсации морального вреда, причиненного совершенным И. преступлением. Определением судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 года названные судебные постановления оставлены без изменения.

При этом суды первой и апелляционной инстанций указали, что преступление, предусмотренное частью второй статьи 159 УК Российской Федерации, относится к преступлениям против собственности, а потому затрагивает только имущественные права потерпевшего. В силу же пункта 2 статьи 1099 ГК Российской Федерации моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации лишь в случаях, предусмотренных законом, в то время как российское законодательство не содержит, по мнению судов, указания на возможность компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности.

Доводы заявителя о том, что в связи с совершенным в отношении него преступлением он был госпитализирован и находился на стационарном лечении, а из-за необходимости участия в следственных действиях и судебных заседаниях по уголовному делу испытывал моральное и психическое расстройство, не были приняты во внимание судами, которые, сославшись на факт отнесения совершенного в отношении С.Ф.Шиловского деяния к преступлениям против собственности, констатировали отсутствие нарушения действиями И. личных неимущественных прав заявителя, равно как и отсутствие посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

В передаче кассационной жалобы С.Ф.Шиловского для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 года).

Как следует из доводов С.Ф.Шиловского, изложенных в его жалобе и воспроизведенных им и его представителем в ходе заседания по настоящему делу, заявитель на момент совершения в отношении него преступления, предусмотренного частью второй статьи 159 УК Российской Федерации, заведомо для И. находился в тяжелой жизненной ситуации, вызванной утратой матери как наиболее близкого ему человека. Желая отдать ей заслуженную дань уважения и достойно проводить ее в последний путь, С.Ф.Шиловский вследствие преступных действий И. был вынужден не только понести дополнительные и значительные для него материальные затраты, но и претерпеть сильные эмоциональные переживания от создания И. препятствий проведению похорон матери в установленное ранее время. В результате по сути кощунственных действий И., противоречащих не только правовым, но и принятым в обществе моральным нормам и выразившихся в крайне циничном, пренебрежительном отношении как к достоинству самого заявителя, так и к памяти близкого ему человека, С.Ф.Шиловскому были причинены физические и нравственные страдания (моральный вред).

Исходя из этого заявитель полагает, что статья 151 ГК Российской Федерации не соответствует статьям 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, – лишает граждан, потерпевших от преступлений против собственности, права на компенсацию морального вреда, причиненного такого рода преступлениями.

1.2. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в

результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой (часть вторая статьи 74 данного Федерального конституционного закона).

Как следует из представленных С.Ф.Шиловским судебных постановлений, вопрос об определении размера компенсации морального вреда, причиненного совершенным в отношении него преступлением, – притом что суды не признали за ним само право на такого рода компенсацию – в его конкретном деле не рассматривался, а потому и часть вторая статьи 151 ГК Российской Федерации в деле заявителя судами непосредственно не применялась. Следовательно, в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации в той мере, в какой она – по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием, – служит в системе действующего правового регулирования основанием для решения вопроса о праве на компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства. Основу прав и свобод человека и гражданина, действующих непосредственно, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность

законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, составляет достоинство личности, которое одновременно выступает и в качестве необходимого условия существования и соблюдения этих прав и свобод. Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1).

Право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немыслимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний, а также требований международных правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению, тем более в случаях, когда речь идет о защите человека от преступных посягательств на его права, свободы и саму личность (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации; преамбула, статьи 1 и 5 Всеобщей декларации прав человека; преамбула, статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Конституция Российской Федерации гарантирует охрану законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и обязывает государство обеспечить им доступ к правосудию, компенсацию причиненного им ущерба, государственную и судебную защиту их прав и свобод и тем самым – защиту достоинства личности (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 56, часть 3).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что применительно к достоинству личности потерпевшего от преступления приведенные конституционные предписания предполагают обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и

обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы, а также защищать собственное достоинство любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П; Определение от 18 января 2005 года № 131-О и др.).

Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами правового государства, верховенства права и справедливости, обязано способствовать максимально возможному возмещению потерпевшему от преступления причиненного ему вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

Такая обязанность государства в полной мере соответствует и Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), гарантирующей лицам, которым был причинен вред (включая телесные повреждения, моральный и материальный ущерб, эмоциональные страдания, существенное ущемление их основных прав и пр.) в результате действия или бездействия, нарушающего уголовный закон, в равной степени охрану их прав законом, а также обеспечение доступа к правосудию и компенсацию причиненного вреда и в то же время предписывающей, что обеспечение потерпевшему доступа к правосудию должно сочетаться со справедливым обращением и признанием его достоинства (пункты 1 и 4) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и от 8 апреля 2021 года № 11-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 года № 1927-О, от 29 сентября 2020 года № 2032-О и др.).

3. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все

признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8). При этом общественно опасные последствия совершенного преступления – в зависимости от конструкции его состава (материального либо формального) – могут входить или не входить в число признаков, обязательных для его признания оконченным (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 7-П).

В то же время даже включение законодателем вреда определенного вида (например, имущественного) в качестве обязательного признака состава преступления не означает, что данное деяние не способно повлечь иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления.

Так, применительно к преступлениям против собственности Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что причинение в результате такого рода преступления конкретного материального ущерба не исключает выяснения того, нарушены ли содеянным иные, помимо экономически значимых, права и интересы, охраняемые законом. Соответственно, при оценке последствий подобного преступления – за пределами стоимости утраченного имущества – могут учитываться и признаваться существенными такие обстоятельства, как эстетическое, фамильное, социально-статусное значение вещей и имущественных прав, использование потерпевшим этого имущества в качестве единственно возможного в конкретной жизненной ситуации способа удовлетворить потребность в жилище и др. (Постановление от 24 мая 2021 года № 21-П).

Указанное обстоятельство, в свою очередь, не исключает возможность возникновения в рамках реализации потерпевшим от преступления конституционного права на компенсацию причиненного ущерба (статья 52 Конституции Российской Федерации) и гражданско-правовых деликтных обязательств, связанных с возмещением морального

вреда, в том числе в случаях, когда непосредственным объектом преступного посягательства выступают имущественные права потерпевшего, однако при этом преступление нарушает и его личные неимущественные права либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага.

4. Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на достоинство личности – конституционно защищаемое и принадлежащее каждому нематериальное благо, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П и от 2 июля 2013 года № 16-П).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации к числу основных прав и свобод человека и гражданина относится и право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2). С учетом этого любое преступление против собственности (обладая – как и всякое преступление – наибольшей степенью общественной опасности по сравнению с гражданскими или административными правонарушениями, посягающими на имущественные права) не только существенно умаляет указанное конституционное право, но и фактически всегда посягает на достоинство личности. В то же время – при определенных обстоятельствах – оно может причинять потерпевшему от преступления как физические, так и нравственные страдания (моральный вред).

Вместе с тем сам факт причинения потерпевшему от преступления против собственности физических или нравственных страданий не является во всех случаях безусловным и очевидным. К тому же характер и степень такого рода страданий могут различаться в зависимости от вида, условий и сопутствующих обстоятельств совершения самого деяния, а также от состояния физического и психического здоровья потерпевшего, уровня его материальной обеспеченности, качественных характеристик

имущества, ставшего предметом преступления, его ценности и значимости для потерпевшего и т.д.

В этом смысле реализация потерпевшим от преступления против собственности конституционного права на компенсацию причиненного ущерба может включать в себя и нейтрализацию посредством возмещения морального вреда понесенных потерпевшим физических или нравственных страданий, но лишь при условии, что таковые реально были причинены лицу преступным посягательством не только на его имущественные права, но и на принадлежащие ему личные неимущественные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство личности.

5. Гарантируя охрану законом прав лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им ущерба. Решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, – как в рамках уголовного судопроизводства (посредством гражданского иска в уголовном деле), так и путем искового производства по гражданскому делу с помощью гражданско-правовых инструментов возмещения вреда. Однако конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 года № 14-П, от 11 ноября 2014 года № 28-П и др.).

Осуществляя в рамках дискреционных полномочий регулирование отношений, связанных с реализацией конституционных гарантий прав лиц, потерпевших от преступлений, на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного им ущерба, федеральный законодатель, действующий на

основании статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, исходил из того, что для защиты прав и законных интересов указанных лиц в первую очередь предназначено уголовное судопроизводство (пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации). Именно поэтому основным средством судебной защиты прав потерпевшего является рассмотрение в рамках уголовного судопроизводства предъявленного им гражданского иска в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя процессуальный статус потерпевшего и признавая таковым, в частности, физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, наделил потерпевшего правами стороны в уголовном судопроизводстве (пункт 47 статьи 5, часть первая статьи 42).

По смыслу части первой статьи 42 УПК Российской Федерации статус лица в качестве потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им. Это связано с тем, что обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и др.).

Признание лица потерпевшим от преступления против собственности предполагает, что такого рода преступление, нарушая в первую очередь имущественные права потерпевшего, одновременно посягает и на такое важнейшее нематериальное благо, как достоинство личности, а также может посягать и на иные нематериальные блага либо

нарушать личные неимущественные права и тем самым – при определенных обстоятельствах – может порождать у этого лица физические или нравственные страдания. Их причинение потерпевшему должно влечь – наряду с возмещением причиненного ему в результате преступления имущественного ущерба – и возникновение у него права на компенсацию морального вреда в рамках предусмотренных законом процедур.

Исходя из этого Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусмотрел право физического лица предъявить в уголовном деле гражданский иск, содержащий требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен этому лицу непосредственно преступлением, а кроме того, и право предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, что, в свою очередь, влечет за собой признание потерпевшего гражданским истцом (часть первая статьи 44).

При этом названный Кодекс установил, что по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (часть четвертая статьи 42), тем самым прямо допуская возможность предъявления потерпевшим отдельного иска о компенсации морального вреда, причиненного ему преступлением, в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

6. Институт компенсации морального вреда в российской правовой системе имеет межотраслевой характер. Между тем основные правовые нормы, регулирующие отношения, связанные с компенсацией морального вреда, содержатся в гражданском законодательстве.

В частности, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав (статья 12), что – в свете предписаний статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации – позволяет рассматривать ее

как гарантированную государством меру, направленную на восстановление нарушенных прав и возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие их нарушения.

Общий принцип компенсации морального вреда (в том числе потерпевшему от преступления) закреплён в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации, согласно которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

6.1. Закрепляя в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации общий принцип компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, законодатель не установил каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для такой компенсации.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав, будучи одновременно и

мерой гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений – публично-или частноправовой – причиняется такой вред, не исключает возможности возложения судом на правонарушителя обязанности денежной компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), ущемляющими в том числе имущественные права гражданина, – в тех случаях и в тех пределах, в каких использование такого способа защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (Постановление от 8 июня 2015 года № 14-П; определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 4 июня 2009 года № 1005-О-О, от 24 января 2013 года № 125-О, от 27 октября 2015 года № 2506-О и др.).

Соответственно, действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания были причинены в результате преступления, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 года № 1171-О, от 11 октября 2016 года № 2164-О и от 24 декабря 2020 года № 3039-О).

6.2. Сходную правовую позицию сформулировал и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», в частности, указал, что по общему правилу гражданский иск о компенсации морального вреда может быть предъявлен по уголовному делу в тех случаях, когда такой вред причинен потерпевшему преступными действиями, нарушающими его личные неимущественные права (например, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, авторские и смежные права) либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и др.). В то же время исходя из положений части первой статьи 44 УПК Российской Федерации и статей 151 и 1099 ГК Российской Федерации в их взаимосвязи

гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению судами и в тех случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия) (пункт 13).

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации хотя не исключил в принципиальном плане возможность компенсации морального вреда, причиненного преступлением, нарушающим имущественные права потерпевшего, но фактически адресовал ее применение лишь к случаям, которые фигурировали в качестве примеров и в которых само по себе преступное деяние непосредственно затрагивает и личные неимущественные права либо нематериальные блага (в частности, личную неприкосновенность при разбое, неприкосновенность жилища при краже с незаконным проникновением в него, персональные данные при мошенничестве с их использованием).

Такая возможность – применительно к гражданам, потерпевшим от отдельных преступлений, которыми нарушались их имущественные права, – признавалась Верховным Судом Российской Федерации и ранее, в частности когда он пришел к выводу о том, что владелец переносного персонального компьютера вправе защищать личные неимущественные права, нарушенные вследствие неправомерного доступа к размещенной на нем информации, путем требования компенсации морального вреда (пункт 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 года). Однако и в указанном случае возможность компенсации морального вреда признана лишь применительно к потерпевшему от конкретного преступления, и при этом акцент сделан именно на статусе информации, хранившейся в ноутбуке и составляющей личную тайну.

Между тем часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации, предусматривая возможность взыскания в судебном порядке денежной компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий), причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, как таковая не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина любого преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет лицу физические или нравственные страдания.

В этом смысле названное законоположение, будучи направленным на защиту прав граждан, само по себе не может рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями.

7. Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и обоснования размера денежной компенсации.

В то же время обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении физических или нравственных страданий потерпевшему от преступления против собственности, которое явным образом нарушает его личные неимущественные права либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (например, при совершении преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в тяжелой жизненной ситуации, обусловленной, в частности, утратой близкого человека). В таком случае факт причинения морального вреда потерпевшему от указанного преступления не может быть сам по себе поставлен под

сомнение судом, что, в свою очередь, не может им не учитываться в ходе оценки представленных доказательств в их совокупности.

Иной же подход к решению вопроса о компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления против собственности, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности потерпевших от преступлений, определяемый сложившимся в правовом государстве конституционным порядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав потерпевших от преступлений, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 2, 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем федеральный законодатель, осуществляя дискреционные полномочия, не лишен возможности внести – в порядке совершенствования действующего законодательства и на основе конституционных предписаний и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, высказанных в настоящем Постановлении, – необходимые изменения в правовое регулирование отношений по возмещению морального вреда гражданам, потерпевшим от преступлений против собственности, в части распределения бремени доказывания факта причинения таким лицам морального вреда, с тем чтобы повысить действенность конституционных гарантий реализации прав потерпевших от преступлений и обеспечить максимальную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

8. По смыслу части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» во взаимосвязи с его статьями 96 и 97, если при проверке по жалобе гражданина конституционности оспариваемого им акта в порядке конкретного нормоконтроля Конституционный Суд Российской Федерации приходит к

выводу, что права и свободы заявителя в конкретном деле нарушены законоположениями, которым судебным толкованием придан смысл, противоречащий конституционным гарантиям этих прав и свобод, такие законоположения (применительно к конкретной ситуации) не могут быть признаны соответствующими Конституции Российской Федерации.

Как следует из судебных решений, вынесенных в отношении С.Ф.Шиловского, при рассмотрении его дела часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации применена судами во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 того же Кодекса и истолкована как не предполагающая компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния в качестве посягающего на имущественные права. При этом судами не была дана оценка фактическим обстоятельствам дела с точки зрения установления самого факта причинения потерпевшему от указанного преступления физических или нравственных страданий.

Подобное толкование части первой статьи 151 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 его статьи 1099 без исследования по существу вопроса о том, был ли причинен заявителю в результате совершенного в отношении него преступления против собственности моральный вред (физические или нравственные страдания), расходится с действительными целями, которым должен был следовать федеральный законодатель при осуществлении в соответствии с конституционными предписаниями правового регулирования отношений в сфере защиты нематериальных благ, в том числе посредством такого способа защиты, как компенсация морального вреда (статья 12 и глава 8 «Нематериальные блага и их защита» ГК Российской Федерации). К числу указанных целей относится в первую очередь обеспечение права любого гражданина на возмещение морального вреда, причиненного ему действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, в частности когда такое нарушение либо посягательство является неотъемлемым последствием

деяния, направленного против имущественных прав гражданина и юридически оцениваемого (квалифицируемого) как преступление против собственности.

С учетом этого часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации не согласуется с требованиями статей 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, и тем самым приводит к несоразмерному ограничению права потерпевшего на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, к нарушению конституционных гарантий охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 151 ГК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она сама по себе не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему

нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания.

2. Признать часть первую статьи 151 ГК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3), в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Шиловского Сергея Федоровича на основании части первой статьи 151 ГК Российской Федерации в той мере, в какой она признана настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части второй статьи 151 ГК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 45-П